

Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ
чувства—

Зарытый скупостью и бесполезный кладъ
И ненавидимъ, мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И паревъ въ душѣ какой-то холодъ

Когда огонь кипитъ въ крови. [тайный,
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и

Глядя насмѣшливо назадъ. [безъ славы,
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной.

Ни гениемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и
гражданина,

Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ сти-
Насмѣшкой горькою обманутаго сына [хоть,
Надъ промотавшимся отцомъ,

Г-нъ М. Н. Цейдлеру.

[экспромтъ].

Русскій нѣмецъ блѣлокурый
Бѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гауры
Вновь затѣяли войну.
Бѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій ширъ войны;
Но иной, не бранной сталью,
Мысли юноши полны

1839.

Не вѣрь себѣ.

Que nous l'ont après tout les vulgaires abeilles
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de patiences, des faiseurs d'emphasis
Et tout les baladins, qui dansent sur la phrase?
A. Barbier. (Prologue).

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженіе.

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣ жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ заѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—

не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенія.

Заградется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ль страсть съ грозой и вью-
гой—

Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеною подругой;

Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставить.
На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненія,
Надежды глуныя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнія?

Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогого привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ
заботъ,

Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измѣтый,

До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленія или утраты!...
Новѣрь: для нихъ смѣшновъ твой плачъ и
твой укоръ

Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ.
Какъ раздурманенный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ...

Три пальмы.

ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНІЕ.

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листьевъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Нылающей грудью ко влагъ студеной
Еще не склонился подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и пѣвѣи мы,
Колесомъ вихремъ и зноємъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...»

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые выюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюды за верблюдамъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, вѣсѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лугъ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;